

Перед Хокаге стояли семь членов АНБУ в черных накидках и масках закрывающие их лица, и пожилой человек оглядел их суровым, серьезным взглядом.

Шестеро из них носили обычные маски Анбу, а седьмой, самый низкорослый из группы, имел простую лицевую пластину, не похожую на элиту охотников Кири. Его прорези для глаз открывали лишь слабый проблеск истинных глаз, скрытых под ними.

- Докладывай. - приказал Сарутоби.

Капитан в маске ястреба выпрямился, прежде чем ответить.

- Хокаге-сама, миссия успешна. Даймё Ивы и его семья мертвы.

- Потери есть? - проговорил Сарутоби.

Капитан Анбу посмотрел на шиноби в лисьей маске.

- Нет, господин, - сказал он через мгновение. - Кайдан, эффективно уничтожил вражеские силы. Оставив на нас устранение Даймё и его семьи.

Сарутоби сделал затяжку из своей трубки

- Понятно, - он задумчиво сказал. - Вы хотите сообщить что-нибудь еще, капитан?

Ниндзя, казалось, нервно переминался с ноги на ногу, а затем снова взглянул на ниндзя в маске и покачал головой.

- Нет, Хокаге-сама, - сказал он.

На самом деле ему хотелось закричать на старика. То, что он видел, не было боем, это была резня. Тела всех вражеских ниндзя были практически разорваны на куски или сожжены в пепел. От них не осталось ничего, кроме пыли, костей и крови.

Ему смерть была не чуждой, и в конце концов... лучше они, чем он. Но это нервировало. Он знал, кто этот мальчик, и знал то что он видел сегодня, будет только началом. Если собака когда-нибудь сорвется с поводка, никто не сможет ее обуздать.

И все же он придержал язык. Возможно, потому что несмотря на свою эффективность, он чувствовал себя обязанным этой твари за то, что все его люди выбрались невредимыми. Или, возможно, это было легкое уважение.

А может быть, все было гораздо проще чем казалось, что самой сильной эмоцией, сдерживавшей его, был страх.

Страх перед возмездием, которое устроит молодой лис, если он выступит против него.

Сарутоби кивнул.

- Очень хорошо, вы шестеро можете идти. Кайдан, останься.

Назначенные люди поклонились и вышли из комнаты.

Сарутоби посмотрел на последнего оставшегося в кабинете АНБУ.

- Сними, пожалуйста, маску.

Низкорослый АНБУ беззвучно снял маску, открыв светловолосого мальчика с отметинами на лице, похожими на усики, и спокойными холодными голубыми глазами.

На вид ему было не больше шести лет.

Сарутоби печально вздохнул. Его глаза всегда были такими. С тех пор, как он себя помнил, мальчик был воплощением идеального шиноби. Идеальный инструмент. Идеальное орудие убийства.

Он ненавидел Совет за то, что они сделали. Они поставили перед ним ультиматум. Либо он будет обучен как оружие Конохи, либо его устранят. Иногда он жалел, что не выбрал второй вариант.

Это казалось милосердным по сравнению с той пустотой, которая была внутри сейчас. Наравне с Учихой Итачи. Возможно, даже сильнее.

Он снова вздохнул, сейчас было не время для этого. Многие в Совете считали, что обучение его таким образом было правильным решением. Слишком многие.

Нет... он подождет... выждет время, а потом все расставит по своим местам.

- Наруто, я понимаю, что это была твоя первая миссия в качестве Анбу.

- Да, - ответил мальчик.

Его голос был ровным и спокойным, в нем не было слышно никаких эмоций.

Сарутоби посмотрел на него.

- Ты здоров? Иногда миссии уровня АНБУ особенно влияют на людей. Как твое самочувствие?

Наруто мысленно поднял бровь. Он был озадачен этим вопросом.

- Они были просто врагами, которые мешали нашей миссии. Я не понимаю, почему вы считаете, что это может как-то повлиять на меня.

Сарутоби сдержал желание вздохнуть, настолько это было обескураживающе. Казалось, что он бьется головой о стену.

Это было тошнотворно.

- Не обращай внимания, Наруто, - сказал он, вставая. Он посмотрел на мальчика, размышляя, а затем заговорил. - У меня назначена встреча, чтобы заключить союз с Казекаге Суны. Ты будешь моим телохранителем.

Наруто склонил голову.

- Как пожелаете, - заявил он и надел маску на лицо.

Сарутоби почувствовал боль в груди от этого зрелища. Казалось, что маска поглощает его. Как будто она поглощала его душу каждый раз, когда он надевал ее. Он спрятал свою печаль, обошел стол и вышел за дверь.

- Хокаге-доно, - почтительно поприветствовал Казекаге, вставая. - Я рад, что вы прибыли, - сказал он, склонив голову.

Сарутоби улыбнулся и перевел слова на не политический, человеческий язык. -Как раз

вовремя ты появился- - подумал он.

- Ах, Казекаге-дано, простите, что заставил вас ждать у меня оказались неотложные дела, - Сарутоби говорил голосом мудреца, который показывал, что он вовсе не сожалеет.

Казекаге напряженно кивнул, ему никогда не нравились эти встречи, он не мог заставить себя доверять своему так называемому союзнику. Вдруг он заметил, как из тонкой тени в углу появился Наруто. Он на мгновение задумался, когда АНБУ вошли в комнату, и есть ли среди них другие.

- Хокаге-дано, я убедительно прошу наших охранников снять маски.

Он попросил, подозрительно глядя на странного коротышку Анбу.

Сарутоби кивнул и повернул голову, чтобы краем глаза посмотреть на Наруто.

Блондин поднял руку и снял маску, то же самое сделал и охранник Казекаге.

Казекаге из чистого любопытства посмотрел прямо на АНБУ, когда тот снимал маску. Он тут же пожалел о своем поступке. Встретившись взглядом с холодными голубыми глазами, он застыл на месте, его внутренности затрепетали от беспокойства. Эти глаза были мертвы. В них не было абсолютно ничего: ни счастья, ни печали, ни гнева, ни даже холодного безразличия.

- Ну что ж, тогда приступим к делу, - голос Сарутоби вернул Казекаге к реальности, он отвел

взгляд и посмотрел на старика.

- Конечно, - он ответил легким кивком.

В течение ночи они несколько часов обсуждали детали нового договора между двумя странами и условия союза, прежде чем пришли к взаимно удовлетворяющему соглашению.

Завтра он будет подписан официально, на публичной демонстрации, перед советом Конохи, населением и высокопоставленными лицами из его собственной страны Ветра.

Когда Казекаге встал, готовясь уйти, Сарутоби остановил его.

- Могу я поговорить с вами наедине, Казекаге-дано?

Лидер Суны на мгновение замешкался, а затем кивнул. Их два охранника приняли молчаливый приказ и склонили головы, после чего вышли из комнаты.

Сарутоби вдруг печально вздохнул, когда светловолосый мальчик наконец вышел из комнаты.

- Казекаге-дано... я знаю... о планах Суны. Создать оружие из джинчурики Шукаку.

Казекаге напрягся, его позвоночник выпрямился.

Сарутоби посмотрел прямо в глаза Казекаге, произнося следующие слова.

- Я предупреждаю тебя, если ты сделаешь это... ты будешь жалеть об этом вечно.

Глаза Казекаге тут же сузились.

- Ты угрожаешь мне?

Сарутоби снова вздохнул и покачал головой.

- Нет... Ты можете поступать, как пожелаешь это не повлияет на союз. Просто... - Он повернул голову в сторону двери, через которую Наруто вышел из комнаты. - Ты видел сегодня вечером результаты таких амбиций.

Казекаге задумался, затем его глаза распахнулись еще больше от осознания.

- Вы имеете в виду того мальчика?

Сарутоби кивнул.

- Наруто - попытка Конохи создать живое оружие. Мы преуспели, но... - Он слегка запнулся. - Но цена была слишком высока. По крайней мере... я так думаю.

Затем он повернулся к Казекаге.

- Возможно, вы не согласитесь... но если вы поймете, что ошибаетесь, сможете ли вы жить с этим преступлением, интересно?

Когда Сарутоби вернулся в свой кабинет, он с усталым вздохом сел в кресло. Его взгляд упал на знакомую маску.

- Ты можешь идти, Наруто, - Он сказал, а его голос был усталым, а лицо показывало его истинный возраст.

Наруто склонил голову в коротком поклоне.

- Хай... - Он резко повернулся на пятках и вышел за дверь.

После ухода мальчика лицо Сарутоби исказилось в печали. Так было всегда. Вина и гнев, которые он испытывал, всегда грызли его изнутри.

Накануне после разрушительного нападения Кьюби шесть лет назад его сердце разрывалось на части. Разъедала его. Больно было просто смотреть на мальчика. Видеть результаты его трусости.

Гражданские хотели его смерти, Совету нужно было оружие, а предсмертное желание их спасителя было оставлено... забытым под натиском страха, ненависти и амбиций.

И снова... он задумался, не лучше ли было бы позволить гражданским добиться своего.

- НЕТ! - назидательно сказал он себе, покачав головой. Еще было время спасти его.

Смерть была необратима, жизнь же всегда будет предоставлять возможности в какой-то момент. Каким-то образом он найдет способ все исправить.

Поездка обратно в Суну казалась Казекаге вечностью. Он жаждал снова увидеть стены родного дома.

Но это путешествие также дало ему достаточно времени для размышлений и обдумывания своих действий. В первую очередь, над действиями против своего сына Гаары.

Смерть его жены при родах была непредвиденным последствием с его стороны. Жрец, который также погиб, запечатывая песчаного демона, заверил его, что единственным способом успешного запечатывания является запечатывание Биджу во время родов. Ему не сообщили, что его жена умрет вследствие этого.

Переполненный горем и яростью из-за смерти жены, он пытался найти выход и, в конце концов, смог найти только один...

Он винил Гаару в смерти своей покойной жены и даже проклинал само его существование. Он поклялся себе, что разорвет семейные узы отца и сына и превратит Гаару в того, кто нужен деревне.

Он почти преуспел в этом начинании.

Мальчик всегда был один, всегда был на расстоянии вытянутой руки от всех, даже от своих братьев и сестер, но теперь, увидев живой результат таких амбиций в этом мальчике из Конохи, он действительно поколебался в своей решимости. Что бы он ни говорил, что бы ни делал... Гаара оставался его сыном.

Мог ли он допустить, чтобы невинные зеленые глаза Гаары превратились в такие же холодные безжизненные глаза того мальчика? Сможет ли он превратить Гаару в того, кем его называли другие с самого рождения? В чудовище?

Еще неделю назад ответ был бы прост. Но теперь... теперь он действительно не знал.

Он видел проблеск будущего, и ему не понравилось то, что он увидел.

- Ахх, Казекаге-сама, - проговорил слуга, когда лидер Суны вошел в свои владения. - Рад видеть, что вы вернулись, мы начали волноваться, - сказав низко поклонившись.

- Где Гаара? - Это было первое, что вырвалось из его уст.

Слуга поднял голову, пораженный вопросом. Казекаге очень редко упоминал о своем сыне, только если не было сообщений о том, что он убил кого-то в деревне.

- Он в своей комнате, мой господин... Мне... сходить за ним? - спросил он неуверенно и испуганно. Никто не хотел приближаться к Гааре.

- Нет, - жестко произнес Казекаге и, взмахнув мантией, резко развернулся на пятках и пошел по коридору в сторону комнаты сына.

По мере приближения он чувствовал тяжесть своих шагов, стук его обуви по деревянному полу эхом отдавался в коридоре. Он посмотрел на дубовую дверь комнаты Гаары и открыл ее без стука.

Он сидел посреди своей комнаты и обнимал старого плюшевого медведя, который был у него с самого детства. -Подарок матери- с грустью подумал лидер Суны, вспоминая, как его жена купила эту игрушку, когда была еще беременна им.

Когда Гаара повернулся и увидел его, он увидел, как бирюзовые глаза расширились от страха.

Казекага не знал как, но он все исправит. Он исправит то зло, которое причинил своему сыну, и, возможно, когда-нибудь...

- Гаара, - позвал он. Он увидел, как мальчик вздрогнул, словно от удара, и в его груди зародилось чувство вины, которое он не сразу понял.

- Иди сюда, мальчик.

Гаара встал и подошел к нему, опустив глаза в пол. Он вздохнул и протянул руку, чтобы коснуться макушки мальчика, как вдруг песок появился и остановил его. Гаара испуганно поднял голову, каждый раз, когда его отец видел какое-либо сопротивление со стороны Гаары, он всегда начинал злиться. Но он не мог контролировать это, он не знал как.

Казекаге тяжело вздохнул, отступая назад, позволяя песку рассеяться. Гаара на мгновение поднял голову и отвел взгляд. Казекаге снова вздохнул.

- Гаара, посмотри на меня, - он обратился к рыжему юноше, который поднял голову и посмотрел в глаза отцу.

Казекаге несколько мгновений смотрел в глаза сына, прежде чем заговорить.

- Мне жаль, - Эти простые слова прозвучали в голове Гаары с силой громового удара, а в глазах его отразилось замешательство. Казекаге пристально смотрел в глаза сына, видя, как они меняются, становятся острее, холоднее, перестают быть глазами маленького мальчика, и от этого по позвоночнику пробежал холодок.

- Я все исправлю. - сказал он в ответ на замешательство сына, после чего повернулся и покинул комнату.